

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

**РУССКИЙ
СТРУЛЬДЬБРУГ**

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

*В оформлении обложки использованы рисунки Елены Вавкиной
Вступительная статья Владимира Ларионова*

Исключительное право публикации принадлежит
издательству «Литературный Совет»

Все права защищены

Никакая часть книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения правообладателя

Прашкевич Г.М.

П70 Русский Струльдбруг / Геннадий Прашкевич; вступ.ст. —
В. Ларионов. — М.: ЛитСовет, 2015. — 276 с.

ISBN 978-5-519-15999-9

Все повести этого тома связаны атмосферой тайны, необычности и в то же время глубоко реалистичны. Герой теряет память при авиакатастрофе и пытается понять, в какой же реальности он *теперь* находится: в пути с красноармейцами в Шамбалу, на допросах в НКВД или в обыкновенной компьютерной лаборатории по разработке новых игр? («Нет плохих вестей из Сиккима»). Некое межзвездное существо, пытающееся помочь такому же своему приятелю, контрабандно приторговывающему живыми видами с планеты Земля, потерпев аварию, разыскивает свои сущности, постепенно проникаясь мыслью, что люди на планете, считавшейся «неразумной», все же разумны. («Подкидыш ада»). Наконец, в повести «Русский струльдбруг» раскрывается трагическая история первых бессмертных, созданных в секретной лаборатории; один из них — русский; на территории русско-китайской автономии, вымирающей от странной болезни, он пытается понять, что же принесло ему (и ему подобным) бессмертие?

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)

Знак информационной продукции 16+

ISBN 978-5-519-15999-9

© Прашкевич Г.М., 2014
© ООО «Литературный Совет», 2014

ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА И ЧУВСТВО ВИНЫ ГЕННАДИЯ ПРАШКЕВИЧА

Чудеса чудесами, но каждый знает, что истинных чудес только два — Вселенная и Человек.

Г. Прашкевич. Анграм-VI

Геннадий Мартович Прашкевич — прозаик, эссеист, поэт, переводчик — родился в Красноярском крае в небольшом селе Пировское.

«Первой книгой, которую я прочел от корки до корки, — вспоминал он, — была «Цыганочка» Сервантеса. Не «Коза-дереза», не «Конек-горбунок», не «Маша и три медведя», весь этот доисторический извращенный модернизм, а настоящая толстая, солидная книга. Мне только что стукнуло четыре года, «Цыганочке» шло не первое столетие. Разница должна была сказаться».

Она и сказалась. Первый рассказ — фантастический — Гена Прашкевич сочинил уже в седьмом классе. Учился он тогда в городе Тайга (крупная железнодорожная станция на Транссибирской магистрали), и в 1957 году рассказ «Остров туманов» появился в газете «Тайгинский рабочий».

«В то время я жил как бы в двух мирах, — вспоминал писатель. — В реальном, где суровая сибирская природа соседствовала с дремучим пьянством, дикостью, невежеством, почти всегда свойственным промышленному захолустью, и миром придуманным, вычитанным из книг, открывавшимся мне, когда я смотрел на звездное небо. Повинуясь странной жажде знать как можно больше, летом 1957 года я вдруг (неожиданно даже для себя) написал в Москву трем великим небожителям, и они — выдающийся палеонтолог и фантаст Иван Антонович Ефремов, не менее выдающийся энтомолог Николай Николаевич Плавильщиков и географ и геолог академик Дмитрий Иванович Щербаков — о, чудо! — мне ответили. А Иван Антонович даже пригласил в поле — поработать с самыми настоящими палеонтологами. И еще — книги! Они стали присылать мне много книг, они подсказывали, что именно следует читать. В глухой сибирской провинции в середине прошлого века,

учась в обыкновенной средней школе, я получил возможность перелистывать роскошные альбомы Аугусты и Буриана, вчитываться в работы Вернадского, Козо-Полянского, Быстрова, Рёмера».

Окончив школу, Прашкевич приехал в Новосибирск. И вот здесь-то, в только что основанном академиком Лаврентьевым и его сподвижниками академическом городке, он обрел замечательных друзей, людей «одной с ним крови», и с удивлением обнаружил, что настоящие, даже очень крупные ученые тоже пишут стихи! А в начале 1961 года несколько молодых людей из Института геологии и геофизики создали поэтическую группу — вместе со студентами Новосибирского университета. Эти литературные «среды», конечно, не могли остаться незамеченными даже во время относительной политической оттепели начала 60-х.

«Торжествующее ощущение того, что у нас все получается, — вспоминал писатель, — конечно, не могло не привести к мысли о литературном альманахе. Настоящий литературный альманах, выходящий в научном городке! — это ли не ответ тем, кто почему-то делил людей на «физиков» и на «лириков»? Впрочем, с настоящим ужасом узнали наши партийные ревнители о том, что мы с моим другом Володей Горбенко попросили дать стихи в будущий альманах не кого-нибудь, а Анну Андреевну Ахматову. Нам тогда в голову не приходило, что жизнь и мечты далеко не всегда совпадают и что «пробивание» литературных альманахов в обществе, скованном догмами партийности, не под силу людям даже гораздо более авторитетным, чем мы».

Конечно же, издать альманах не удалось, история с ним закончилась невесело.

Академгородок, Тайга (там была написана первая серьезная вещь — повесть «Столярный цех»), снова Академгородок. С женой и маленькой дочкой молодой писатель уехал на Сахалин. Работая в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного научно-исследовательского института, он исходил весь Сахалин, многие острова Курильской гряды, побывал на Камчатке. «И оказалось, что мир, в который я попал, великолепен, в нем есть просторы, горы, сопки. Каждое лето я работал на островах практически необитаемых. Два-три человека на острове — это не так уж много. Скоро выговариваешь все слова и начинаешь... понимать океан. Причем понимать совсем не так, как раньше. Берега на Курилах необыкновенные — это мрачные каменные непропуски, врезанные в базальт бухты, выходящие в океан каменные мысы. Пляжи тянутся на многие километры: титано-магнетитовые — черные, пемзовые — белые. Ночью выкатывается на берег волна, подсвеченная изнутри зеленоватым сиянием. На мелководье волна начинает расти, поднимается и вдруг рушится, мощно освещая весь берег длинной холодной молнией...»

В 1968 году на Сахалине вышла книга стихов корейского поэта Ким Цын Сона в переводах Геннадия Прашкевича и Владимира Горбенко. В том же году должен был появиться и первый поэтический сборник самого Прашкевича.

«Вернувшись с полевых работ, — вспоминал писатель, — я отправился в Южно-Сахалинское книжное издательство. Настроение там почему-то царило не самое праздничное. Директор меня не принял, а перепуганный редактор книжки дал странный совет. Наверное, перепутал порядок ходов, как говорят шахматисты. «Твоя книжка уже готова, — сказал он, странно оглядываясь, будто нас могли подслушать. — Осталось подписать ее в печать, но понимаешь... У цензора... Появились вопросы...» Он посмотрел на меня испуганно и добавил: «Попробуй поговорить с цензором сам...»

Совет этот редактор дал, конечно, не подумав: в Советском Союзе никакой цензуры не было. И цензоров, как таковых, не существовало. Были штатные невидимки, общаться с которыми имели право только редакторы, но никак не авторы. Но на другой день, будучи молодым и уверенным, я нашел нужное здание, поднялся на нужный этаж и постучался в нужный кабинет. «Ах, — радостно воскликнул цензор, точнее, воскликнула цензорша, женщина тоже не старая и тоже уверенная, — давно я ничего такого, как ваши стихи, не читала! Есть, правда, и у вас некоторые досадные мелочи. Ну, вот например... О нашем советском князе Святославе... В девятьсот шестьдесят восьмом году, ровно тысячу лет назад, он якобы, по вашей версии, застиг врасплох болгарские города, сжег Сухиндол, изнасиловал... — голос цензорши сладко дрогнул, — ах, изнасиловал многих болгарок... Ну, если и так? — голос цензорши окреп. — Где тому доказательства? В каком госхране лежат документы, доказывающие эти массовые, по вашим словам, изнасилования? Не мог, не мог наш советский князь так вести себя в близкой братской стране!»

Я не согласился. Я оспорил ее уверенность. И принес ей том знаменитого советского болгароведа Н. С. Державина.

«В конце весны или в начале лета 968 г. князь Святослав Игоревич во главе 60-тысячной армии спустился в лодках вниз по Дунаю... Болгария была застигнута врасплох...»

И все такое прочее.

Теперь-то я был убежден: моя книга выйдет!

Но, отложив в сторону том академика Державина, милая цензорша долго глядела на меня с непонятной грустью. Потом спросила: «А в каком году издана работа академика Державина?» Я честно ответил: «В одна тысяча девятьсот сорок седьмом». — «А какое, миленький, у нас тысячелетье на дворе?» — цензорша, несомненно, хорошо знала современную русскую поэзию. «Одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год идет». — «Вот и ладушки, — подвела итог цензорша. — В девятьсот шестьдесят восьмом году, *тысячу лет назад*, и даже в одна тысяча сорок седьмом году, *двадцать один год назад*, наш советский князь Святослав мог делать в братской стране Болгарии все, что ему заблагорассудится, но в *одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году* мы ему этого не позволим!»

Набор книги рассыпали. Имя автора внесли в черный список.

Позже Прашкевич писал: «В некотором смысле пресловутая моя разносторонность вызвана была всего лишь определенными специфическими обстоятельствами. Я всегда хотел большего. Первая книга уничтожена, стихи нигде не печатаются. Ну, что ж, я занялся переводами. Летал в Болгарию, изучил язык, в конце концов, издал антологию болгарской поэзии. Однако этого мне было мало и я обратился к прозе. Несколько повестей составили первую мою книгу — «Люди Огненного кольца» (1977). Ну, а активное общение с научным миром привело к идеям фантастическим. Это ведь не проблема — сменить жанр, главное — не потерять любопытства».

В 1971 году Прашкевич вернулся в новосибирский Академгородок.

Работал в городских газетах, в Западно-Сибирском книжном издательстве.

Печатался в журналах «Байкал» (Улан-Удэ), «Вокруг света» (Москва), «Аврора» (Ленинград), «Нева» (Ленинград), «Огонек» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Дальний Восток» (Хабаровск). В альманахе «На суше и на море» опубликовал повесть «Двое на острове» (1972), где на фоне экзотической курильской природы, описанной с большой художественной достоверностью, не менее достоверно показаны были нравственные метания героев. Популярный журнал «Уральский следопыт» (Свердловск) в февральском и сентябрьском номерах за 1974 год опубликовал сразу две фантастико-приключенческие повести Прашкевича: «Мир, в котором я дома» и «Шпион в юрском периоде». Последняя положила начало известному циклу «Записки промышленного шпиона», за который писатель в 1994 году писатель был удостоен Всесоюзной премии по фантастике — «Аэлига». По словам Виталия Бугрова, в то время сотрудника «Уральского следопыта», публикация в течение одного года двух повестей одного автора в одном и том же журнале — случай крайне редкий. Но «мы печатали вещи Прашкевича едва ли не по мере поступления! Уверен, именно мы помогли родиться — ну не совсем так, поскольку родился-то он сам по себе! — но, во всяком случае, утвердиться новорожденному фантасту».

В 1978 году в Новосибирске вышла книга научно-фантастических повестей и рассказов Геннадия Прашкевича «Разворованное чудо». За нею последовали книги реалистические — «Эти вечные, вечные вопросы» (1979) и «Курильские повести» (1981). Казалось, литературная жизнь налаживается, но в 1983 году счастливое это течение прервалось. Поводом стал выход сборника «Великий Краббен», название которому дала повесть Прашкевича. С подачи одного из литературных «коллег» эту книгу затребовали на контрольное рецензирование в Госкомиздат РСФСР (Москва), и там рецензентам сразу не понравилось имя главного героя повести — Серпа Ивановича Сказкина, обнаружившего в кальдере Львиная Пасть (остров Итуруп) древнего, дожившего до наших дней плезиозавра. Впрочем, рецензентам еще много чего не понравилось. Даже невинный каламбур «Кто сказал, что Серп не молод?» был признан надругательством над символикой страны. В итоге, тридцати-

тысячный тираж сборника приказом Госкомиздата был отозван из книжных магазинов и уничтожен.

Издаваться становилось все тяжелее. Литературные перспективы плохо просматривались. Правда, с началом перестройки в Новосибирске вышли одна за другой книга повестей «Уроки географии» (1987) и роман «Апрель жизни» (1989), но обе книги были безжалостно изуродованы цензурой, хотя именно тогда Прашкевич впервые сформулировал свою *теорию прогресса*.

«Ведь с той поры прошло много лет. От самого себя, от Саньки, от Реформаторши, от деда Фалалея и других живых, а частью уже ушедших людей я отделен не только запуском первого искусственного спутника Земли, не только полетом в космос Юрия Гагарина и триумфальной высадкой человека на Луне; даже от самого себя тех лет я отделен не только уничтоженными башнями нью-йоркских Близнецов (а мне приходилось подниматься на Южную), не только долгими (как тогда казалось) днями ГКЧП, не только Чернобыльской катастрофой и дефолтом 1998 года, — сама карта мира менялась, границы государств съезжались или расплзались, вели себя как живые. Пол Пот, Йенг Сари, Джон Кеннеди, Ким Ир Сен, Даг Хаммаршельд, Мао Цзе-дун, Хрущев... Тысячи сливающихся в общей панораме лиц...

На моих глазах отшумели десятки самых разных теорий...

Одни оказывались изначально ложными, другие вызывали протест, третьи — активный, но все-таки временный интерес, к некоторым и сейчас сохраняется должное уважение. Но самой нужной, самой человеческой кажется мне та, знанием которой так щедро наделил меня мой друг Санька Будько 18 мая 1957 года. Что бы ни происходило в мире, как бы ни складывалась наша жизнь, я повторяю и буду повторять его слова, как заклятие: ведь не может быть, ведь не может быть, ведь не может быть так, чтобы к вечеру каждого прожитого нами дня мы не становились бы чуть лучше, чем были утром».

В начале 90-х многие писатели потеряли не только надежду на публикации, они потеряли и самих себя. А Геннадий Прашкевич продолжал работать, искал новые формы, смело экспериментировал. По его же выражению, «писал то, что ни в какие ворота не лезло». Одной из таких нестандартных, «не лезших в ворота» вещей стала повесть-эссе «Возьми меня в Калькутте» — своеобразный спор с писателем Михаилом Веллером, выпустившим нечто вроде инструкции для отечественных прозаиков «Технология рассказа». В этой своей инструкции Веллер подробно анализировал сам процесс создания рассказа, объяснял принципы организации литературного материала, пытался «поверить алгеброй гармонию». Ну да, кто спорит, ремеслу можно научиться. Но Прашкевич возражал. Он видел за всем этим что-то еще. Может, *вину писателя*, о которой позже напишет целую книгу («Азбука вины»).

«Ты можешь с ювелирной точностью разбираться в точечной или плетеной композиции, в ритмах, в размерах, а можешь не иметь обо всем этом никакого представления — дело не в этом. Существует вне нас некое волшебство (или

вина, — *В. Л.*), манящее в небо. И что бы ни происходило, как бы ни складывалась жизнь, как бы ни мучила тебя некая вольная или невольная вина, все равно однажды бьет час и без всяких на то причин ты вновь и вновь устремляешься в небеса... забывая о выгребной яме».

Не правда ли, утверждение все той же *теории прогресса*?

В 2006 году повесть-эссе «Возьми меня в Калькутте» отдельной частью вошла в книгу «Малый Бедекер по НФ». Геннадий Прашкевич пишет ее уже много лет. Отдельные главы публиковались в московском журнале «Если» (2002), в киевской «Реальности фантастики» (2004), получили ряд престижных литературных фантастических премий, в том числе — две «Бронзовых Улитки» от Бориса Стругацкого. Немец Бедекер составлял путеводители на основе сведений, полученных им в заграничных путешествиях, а Геннадий Прашкевич использует бесценную информацию своей собственной жизни. Первый том его книги посвящен людям, которых автор знал близко. Это живые лаконичные портреты братьев Стругацких, Валентина Пикуля, Юлиана Семенова, Ивана Ефремова, Виктора Астафьева, Виталия Бугрова, Николая Гацунаева, Бориса Штерна, Михаила Михеева, Георгия Гуревича, Леонида Платова, Николая Павлильщикова, Сергея Снегова, других писателей и ученых.

Второй том, над которым Прашкевич продолжает работать, посвящен проблеме алкоголя в жизни писателей. «Я вспомнил, — пишет он — кто из моих друзей ушел из жизни по этой причине, и ужаснулся — восемьдесят процентов, не меньше. Алкоголь в России всегда был силой чудовищной, разрушительной, и не имеет значения, кто с этим сталкивается — обнищавший вахтер запущенного заводского общежития или преуспевающий академик».

Третий том — по замыслу — должен стать книгой об основном инстинкте.

«Я не собираюсь скрывать каких-то темных сторон даже своей жизни. В конце концов, разве не интересно понять, почему одного писателя тянет к роману о докторе Живаго, а другого — к роману о похождениях леди Чаттерли...»

К «Бедекеру» впрямую примыкает повесть «Черные альпинисты» (1994), в которой писатель осмысливает годы, проведенные на Курилах и на Сахалине. Несомненно, в том же ряду стоит исследование «Адское пламя» (1995) — размышления писателя о некоей Антологии советской фантастики, которую они с Николаем Гацунаевым пытались издать. «Октябрь 1917 года страшной стеной отгородил Россию от остального мира, — писал Прашкевич в своем «Адском пламени». — Начался невиданный, неслыханный до того, поистине фантастический эксперимент по созданию Нового человека. Это ведь главное дело любого режима — создание Нового человека. Человека угодливого или запуганного, работающего или пьющего, агрессивного или смиренного, духовного или ограниченного, бессловесного или болтливоего — какой человек на данный момент нужен режиму для решения насущных задач, такого и следует создать».

Вечная тема: ведь Новый человек создается и ныне.

Говоря о Пращкевиче, невозможно забыть о других жанрах, — писатель часто работает на стыке литературных направлений, искусно смешивая их, умело сгущая реалистические тексты поэтическими цитатами, литературными аллюзиями и фантастическими допущениями. В соавторстве с Александром Богданом написана целая серия остросюжетных романов, посвященных становлению нового русского бизнеса — «Противогазы для Саддама» (1998), «Человек «Ч»» (2001), «Пятый сон Веры Павловны» (2001), «Русская мечта» (2004). Книги эти интересны тем, что их герои почти во всех случаях имеют реальных прототипов, именно они создавали реалии новой российской экономики, формировали жизнь.

Отдельная тема — исторические романы Геннадия Пращкевича, посвященные малоизвестным событиям прошлого Сибири: «Носорукий» (2004), «Тайна полярного князца» (2004), «Секретный дьяк» (2001). Кроме ярких исторических реалий, яркого описания деяний первых покорителей Сибири в них всегда присутствуют глубокие размышления о вечной душевной маесте русского человека.

«Похабин ухмыльнулся понимающе:

— Ты, барин, сильней, чем на вид кажешься. Если неделю не попьешь, можешь тягаться с кем хочешь. Я ведь говорил, что скоро начнутся совсем дикие места. А когда идешь по диким местам, надо быть уверенным в своем соседе, барин. Коль не уверен в соседе, с таким лучше не ходить. Кому охота наткнуться по чужой дурусти на стрелу, на нож, а то просто блудить в тайге? Я тебе говорил, я Сибирь знаю. Меня Сибирь сделала богатым. Я, барин, когда вернулся в Россию с богатою мягкой рухлядью, сразу решил, что теперь тихо, хорошо заживу. Только как? Отца нет, и матери нет, и три брата убиты на свейской войне. Да еще барин клетовский. Ишь, вспомнил, что еще мой дед бегал от него, от дурака. И правильно бегал, если бегал. На воле просторней. Я из-за того клетовского барина впал в тоску, сильно запил. — Похабин перекрестился. — В Сибири думал: вернусь в Россию, все будет хорошо. Сколько служб нес, столько и мечтал: в Россию вернусь, припаду к земле. А вернулся, в деревне пусто, и не на кого опереться. Кто врет, кто пьет. Неужто везде так? — И повторил: — Тоска, барин! У русского человека она ведь особенная. Коряка, к примеру, заставь умыться, он все равно так сильно не затоскует. Ни коряк, ни одул, ни камчадал, ни какой-нибудь там шоромбоец, все они не знают русской тоски. У них все по-своему. Олешки мекают, детишки кричат, поземка метет — им от того только радостно. А если заскучает коряк, или одул, или те же камчадал и шоромбоец, если темно и душно им покажется жить, они вскочат на нарту, поедут и убьют соседа. То же и нымылане, и чюхчи. Я разных, барин, в жизни встречал дикующих, знаю их тоску. А наша русская тоска, барин, она вся изнутри, она ни от чего внешнего не зависит. Хоть молнии, хоть тьма, хоть ты в грязи

лежишь, если нет в сердце тоски, сердце русского человека чувственно радуется. Пусть нет у тебя ни крыши, ни харчей, ни питья, пусть подвесьт тебя на дыбу, отнимут бабу — русский человек все равно от этого не в тоске, он просто страдает. Но однажды в самый добрый солнечный день, барин, среди радости, среди чад милых, на берегу веселой речушки, на коей родился, среди воздвиженья, радости, хлопот и многих дел, вдруг как колесико какое съезжает в твоей голове, и вот — затосковал русский человек, затосковал страшно...»

«Отличная вещь! — прочитав «Секретного дьяка», писал автору Борис Стругацкий, — Вы один из поистине немногих в нынешней России, кто умеет писать исторические романы».

А ведь есть еще обширная публицистика, общественная деятельность, живые интервью, выступления, фантастическая проза. Геннадий Прашкевич, как всегда, необычен и непредсказуем.

«Царь-Ужас» (2002), «Белый мамонт» (2003), «Подкидыш ада» (2004), «Дыша духами и туманами» (2005), «Золотой миллиард» (2005), «Земля навывлет» (2006), «Русский струльдбруг» (2006), «Божественная комедия» (2006), «Румын сделал открытие» (2007), «Нет плохих вестей из Сиккима» (2008), «Кафа» (2009), «После бала» (2010), «Другая история Вселенной» (2011), «Упячка-25» (2012), «Иванов-48» (2014)...

В парадоксальной манере Прашкевич исследует болевые точки настоящего и будущего. А успех его «неформатной» повести «Белый мамонт» с обескураживающим пояснением — «перевод с неандертальского», только лишний раз подчеркивает, что смелости Геннадию Прашкевичу не занимать.

«Школа переводов с неандертальского еще не создана, — пишет «переводчик». — Известны отдельные попытки. Их немного. При этом замечено, что история мирового искусства ничуть не похожа на гигантскую лестницу, упрямо ведущую ввысь, на лестницу, каждая ступень которой все более и более высока и совершенна, — нет, история мирового искусства это, скорее, горная цепь, отдельные снежные вершины которой и образуют единую, невероятную по красоте и необычности панораму.

Но и самые большие вершины не могут устоять перед временем. Силы природы и социальные катаклизмы постоянно вмешиваются в жизнь искусства. Многие вершины, казавшиеся людям вечными, известны сейчас только по позднейшим смутным перерисовкам, по отголоскам чудовищно архаичных мифов, другие вообще забыты безвозвратно; что же касается неандертальских шедевров, они сохранились только как фрагменты. Полную картину воссоздать трудно, практически невозможно. Но время от времени мы находим пещеры с потрясающими наскальными рисунками, следы каких-то доисторических сооружений, обломки странных орудий. Там, где единый каменный рассказ разорван, где нет никакой возможности восстановить утерянное, мы пытаемся заполнять лакуны более поздними фрагментами мирового искус-